

КРИТИКА ПОЛИТЭКОНОМИИ ЗНАКА

Маркс Бодрийяра

Джерри Култер

Bishop's University, 2600 College Street, Sherbrooke, Quebec J1M 1Z7, Canada

I. Введение

Великое марксистское предвестье закончилось.

Маркс верил в то, что в экономике и в диалектической процедуре он нашёл фундаментальное средство, но всё, что он нашёл, лишь мерещилось ему.

Отношение к сочинениям Маркса в интеллектуальных кругах сильно изменилось за последние 40 лет — за те четыре десятилетия, в течение которых Бодрийяр опубликовал более 40 книг. В 29-ти из этих книг находится место дискуссиям о Марксе. В то время как на Западе многие продолжали верить в то, что идеи Маркса могут дать решения для капиталистической политической экономии, Бодрийяр одним из первых бросил серьёзный вызов сочинениям Маркса. Разрыв с марксизмом был весьма значимым событием в жизни Бодрийяра, сделавшим возможными многие моменты его зрелой мысли. Настоящая статья исследует работы Бодрийяра на двух уровнях: 1) вызов, бросаемый Бодрийяром Марксу, в целом; 2) его конкретные обвинения в адрес Маркса, не сумевшего выйти за рамки буржуазного анализа. И то, и другое даёт сегодняшней теории трудные и интересные уроки.

II. Вызов, бросаемый Бодрийяром Марксу

Бодрийяр не верил в смерть марксистской мысли. В интервью 1993 г. он сказал, что мысль Маркса «по-прежнему вызывает споры, несмотря на то, что не имеет такого политического влияния, как прежде». Он добавил: «Анализ Маркса, конечно же, влиял на мою работу, но я саму её поставил под вопрос, стал амбивалентен к ней и дистанцировался от неё». Он говорил Франсуа Л'Ивонне, что его разрыв с Марксом произошёл во время написания «Зеркала производства». Это верно, но этот разрыв можно обнаружить уже в его трудах, теоретизирующих систему вещей и общество

© G. Coulter, 2009.

© А.В. Дьяков, перевод, 2009.

потребления (1968–1970). На мой взгляд, Маркс важен для Бодрийера как радикальный другой.

Общей проблемой для Бодрийера и для Маркса был анализ своего времени. Что до меня, то я не сомневаюсь, что Бодрийер предпочёл бы жить в те времена, когда сочинения Маркса были чем-то свежим и новым, когда политика значила больше и когда было больше вещей, в которые можно было верить. Однако Бодрийеру, как и всем нам, пришлось столкнуться с вызовами постмодерности и революции нашего времени, которую он назвал «революцией неопределённости». Бодрийерова оценка Маркса тесно связана с его собственными поисками путей принятия радикальности в наши неопределённые времена. Этот путь привёл Бодрийера к тому, что в своей главной работе о Марксе «Зеркало производства» (1973) он написал то, что для марксистов звучало как ересь: «Маркс не занимает того исторического положения, которое позволяет высказывать истину». По Бодрийеру, у Маркса была лишь «перспектива», сводившаяся к представлению о «законах истории и диалектике». Уже в 1973 г. Бодрийер (признавший свою политическую обособленность ещё до мая 1968-го) писал, что все концепты Маркса следует подвергнуть сомнению и что необходима критика структуральных пределов марксовых оценок.

На более общем уровне вызов, бросаемый Бодрийером Марксу, сводился к тому, что сочинения последнего уже не объясняют состояние современного общества. В этом отношении Маркс, как и все прочие теоретики, становится жертвой неизбежной обратности — инверсии, которая есть судьба всякой теории и критики. Бодрийер одним из первых заявил, что мы уже вступили в пост-марксистскую эпоху. По Бодрийеру, в области стоимости произошла некая революция, которую анализ Маркса не мог объяснить. Он указывал на то, что Маркс обращался к «классической» стоимости — более натуральной стадии потребительной стоимости и товарной стадии меновой стоимости. Сегодня стоимость прошла структурную стадию (стадию знаковой стоимости) и вступает во фрактальную стадию, где нет никаких референций, а «стоимость излучается во всех направлениях». Как он сказал Филиппу Пети, «мы утратили потребительную стоимость, а значит и старую добрую меновую стоимость, стёртую спекуляцией, а в настоящее время мы утрачиваем даже знаковую стоимость, сменяющуюся неопределённым сигналетизмом».

В противоположность Марксу, Бодрийер заметил, что «капитал не качается от кризиса к кризису, как он предсказывал». На взгляд Бодрийера, Маркс (как и многие мыслители XIX столетия) склонился к радикальной крайности, испытывая необходимость выдумать исторические законы. Поэтому Маркс пришёл к закону необходимости и идее бесконечного трансцендирования. История была трансисторизирована (унифицирована) Марксом как классовая борьба, а способ производства — спроецирован на историю в целом. Это прозрение, соединённое с верой в диалектику, позволило Марксу превратить рабочую силу и производство в эквивалент разрешающего самого себя исторического разума. Поэтому у Маркса Бодрийер обнаруживает негативность по отношению к труду, поскольку труд в его сочинениях возводится в абсолютную ценность и становится идеологическим понятием. Маркс, говорит Бодрийер, «элиминирует анализ идеологического [понятия] труда» и в конце концов оставляет нас с загадкой, которую Бодрийер выражает в сокрушительном вопросе: «откуда берётся прибавочная стоимость?».

По Бодрийеру, Маркс сконструировал теорию, «страдающую незавершённо-

стью», поскольку ей не хватает по-настоящему «радикального анализа труда и производства». Одна из самых насущных проблем, по поводу которых Бодрийяр сталкивается с Марксом, — «идеологический приоритет, отдаваемый меновой стоимости». Маркс не в состоянии помыслить общественное богатство на ином основании, нежели труд и производство. Таким образом, сочинения Маркса не в состоянии выполнить того, что они обещают, — теоретизировать всю общественную практику, — и совершенно неспособны «отвечать общественному процессу, который выходит далеко за рамки материального производства» (вроде современных масс-медиа). Таким образом, в развитии собственного понимания важности символического обмена Бодрийяр радикально порывает с Марксом.

По Бодрийяру, символический обмен основан на обратимости — представлении о том, что все системы рушатся из-за своих собственных успехов, — которая работает на радикально ином уровне, нежели марксова меновая стоимость. Не диалектика покончит с капитализмом, с капитализмом покончит сам капитализм. С диалектикой, на взгляд Бодрийяра, в эпоху гипермедиа, пролиферации и неопределённости покончено. Важнейшее понятие марксизма, трансценденция, нежизнеспособно. По Бодрийяру, у мира уже нет шанса вознестись в царство Истины, Бога, Закона или идеи; скорее, он скатывается к низменной имманенции. Именно это делает наше время столь тягостным.

Кроме того, Бодрийяр подверг сомнению роль свободы в марксистском анализе. Он говорит, что у Маркса свобода обосновывается самой природой (совершенно капиталистическая идея) и что Маркс обещает свободу, исходя из того, что он называет «процессом репрессии». В том, что случилось с Марксом и с теми марксистами, которые следовали за ним, можно усмотреть иронию судьбы — те, кто стремился революционизировать классовую борьбу, на деле положили ей конец, «похоронив её под теоретическим проектом». Вполне закономерно и неслучайно, что универсализация теоретического проекта привела к идеологическому продуктивизму, занявшего место труда и творческого начала в человеке, что, по оценке Бодрийяра, повлекло за собой неразрешимую проблему, специфичную для марксизма: его неспособность предложить альтернативу продуктивистскому капитализму.

III. Бодрийяр о неспособности Маркса предложить альтернативу капитализму

В целом Бодрийяр находил, что Маркс сумел предложить скрупулёзную критику капитализма своего времени, однако был лишён той радикальности, которая нужна нам сегодня. И даже в отношении анализа своего собственного времени Маркса можно упрекнуть в недопонимании капиталистической формации. По словам Бодрийяра, от Маркса ускользнуло «производство системы производства». Бодрийяр пронзительно заметил, что Маркс неизменно полагает (это характерно и для его понимания труда и природы) производство чем-то само собой разумеющимся, тогда как всё обстоит не так просто. Бодрийяр добирается до самого ядра весьма важных для марксовой мысли импликаций: для всех (кроме марксистов) очевидно, что производство (как форма) не стало у Маркса предметом радикального анализа. Бодрийяр замечает, что Маркс испытывает «теоретическую аллергию на всё, кроме материального производства и производительного труда». Теория Маркса «анализирует социальное пространство, которое сама же производит».

Это приводит Бодрийяра к уникальным для 1970-х и 1980-х гг. прозрениям от-

носителем Маркса. Бодрийяр бросает Марксу радикальный вызов, сводящийся к тому, что марксистская перспектива (наряду с приверженностью продуктивизму и сверхдетерминированию человека как производителя) страдает от того же гуманистического вируса, который позволяет буржуа подсчитывать свои барыши. Анализ Маркса, продолжает Бодрийяр, «пользуясь уловками капитала», «пособничает капиталистической мифологии» и «воспроизводит систему политической экономии». Будучи привержен продуктивизму, марксизм оказывается в том же положении, что буржуазная экономика. Сосредоточившись (начиная с Парижских Рукописей 1844 г.) на «производственной сущности человека», марксистская оценка капиталистического общества склоняется к диалектике и христианской этике, что делает его критику не радикальной, но, скорее, направленной на воспроизводство существующей системы политической экономии. В этом с Бодрийяром трудно спорить, поскольку все, кто пытался произвести революцию, основываясь на идеях Маркса, действительно воспроизводили государственно-капиталистическую версию капиталистической политической экономии.

Помимо этой непреодолимой проблемы, говорит Бодрийяр, Маркс не сумел предвидеть, что «капитал, столкнувшись с угрозой своему существованию, выйдет за пределы производственных отношений и политических противоречий, сделавшись автономным и тотализировав мир в своём собственном образе». Бодрийяр называет это современное нам состояние трансэкономикой, когда «классическая экономика растворилась в чистой спекуляции». Согласно Бодрийяру, Маркс допустил ошибку, пытаясь предложить радикальную критику политической экономии в форме политической экономии. В силу этого Маркс произвёл не радикальную альтернативу продуктивизму, но всего лишь зеркало капиталистического производства. Иллюзия Маркса заключалась в том, что он верил в «возможность революции в рамках системы». Это приводит нас к прискорбному выводу, что теория Маркса, если избавиться её от всего лишнего, так, как это делает Бодрийяр, «всегда была на стороне капитализма». Поэтому марксова мысль «сохраняет понятия, зависящие от метафизики рыночной экономики». Поэтому Бодрийяр способен пойти дальше Маркса и обнаружить в таких местах, как Калифорния (или Франция) формы подвергнутого ревизии марксизма, функционирующего как продвинутого капитализма. Таким образом, Маркс и его последователи не смогли уйти от капитализма (своеобразной формы государственного капитализма, основанного на продуктивизме) и разновидности нео-христианского и гуманистического понимания труда. В своих современниках Бодрийяр видит тех, кто должен был стать героями революции, но превратился в молчаливых и усталых антигероев потребления.

IV. Заключение

Из сочинений Маркса Бодрийяр извлекает мысль о том, что капитал производит социальное (такова его историческая функция). В этом Маркс прав. Но когда объективные детерминации капитала утрачивают свою силу, справедливо замечает Бодрийяр, «социальное не преодолевает капитал в своём диалектическом развитии». Это значит, по Бодрийяру, что «левые» умерли «по тем же причинам, что и власть». По той же причине категории «левые» и «правые» уже непригодны, а мы стали к ним безразличны. Если принять те логические выводы, которые Бодрийяр делает из Маркса, оказывается, что «левые» всегда были не более чем протезом «правых». Теперь,

особенно после наступления эпохи экологической корректности, «левые» могут играть лишь грустную роль «модели мирной социализации». Как ни печально, эта участь постигла многие прогрессивные группы (включая профсоюзных деятелей, феминисток, защитников окружающей среды), стремящихся возродить общественную мораль или что-то выклянчить у Закона. Те же «левые», которые продолжают упорствовать, превращаются в рудименты Маркса, никого не волнующие и «спонтанно работающие на правых».

Другая импликация нашего пост-марксистского состояния заключается в том, что люди теперь «борются не с отчуждением, но с лишением права собственности». Мы теперь воюем не с призраком отчуждения, а с призраком гиперреальности. Бодрийяру не нравилось современное положение вещей, но он стремился быть мыслителем и писателем радикальной неопределённости. Его пост-марксистская политика заключалась в том, чтобы писать для себя, а не для политики и не ради превосходства. С горечью, характерной для человека его поколения, он говорил: «нет никаких детей Мая».

Перевод с английского А.В. Дьякова